

Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений

Любовь Б. Четырова, Наталия М. Сергеева

Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, Российская Федерация

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о визуальной репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений. Методологическую основу исследования составляет деколониальная теория, применяются также методы визуального анализа. Предполагается, что по форме и содержанию визуальные репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев содержат в себе скрытые и явные знаки, указывающие на специфику их взаимоотношений с русской властью. Источниковую базу исследования составляют визуальные документы имперского периода, хранящиеся в Астраханском государственном объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике, Национальном архиве Республики Тыва и в частной коллекции С. Ю. Степанова (г. Астрахань, Россия).

Рассматривается история репрезентации инородцев в Российской империи, как на Всероссийской этнографической выставке 1867 года осуществлялась визуализация подданных многонародной империи. Исследуется, когда впервые произошла подобная визуализация — а именно благодаря знаменитому Ледяному дому. С использованием исторического материала, посвященного калмыцкому хану Дондуку-Омбо, обосновано, что Ледяной дом был не просто свадьбой двух царских шутов, а проектом, благодаря которому была проведена такая репрезентация, в которой инородцам определялось их место в колониальной иерархии.

Анализируются фотографии, на которых присутствуют маркеры, фиксирующие место ойрат-калмыков во взаимоотношениях с властью с учетом описанного исторического контекста. Анализ визуальных документов, репрезентирующих ойрат-калмыков, обнаруживает стратегию символического подчинения, применяемую имперской властью, и тактики символического сопротивления и непокорности со стороны ойрат-калмыков. Имперская репрезентация ойрат-калмыков во многом представлена их изображениями на открытках, которые выглядят театрализованно, подчеркивают инаковость калмыков, делают их объектом рассматривания и сравнения с большинством (русскими), знаки которого в виде предметов быта почти во всех случаях также присутствуют в композиции.

Рассматриваются визуальные репрезентации тувинцев в период их вхождения под протекторат России. Эти репрезентации выглядят как фоторепортажи с места события, сделанные в натуральных условиях жизни, без применения ретуши и композиционного обозначения превосходящего или, наоборот, подчиненного положения данного народа. Здесь как форма, так и содержание репрезентаций указывают на исключительные, по сравнению с подчеркнута объективированными ойрат-калмыками, взаимоотношения русских с тувинскими кочевниками. Представители властной элиты Тувы изображаются как действительно независимые, самостоятельные, связанные с имперскими властями отношениями партнерства. Так тувинский визуальный кейс не только иллюстрирует специфику реальной истории интеграции тувинцев с русскими, но и на контрасте подсвечивает политику «инаковости» в отношении калмыцких кочевников.

Ключевые слова: визуальные образы; модернизм; фотография; почтовые открытки; ойрат-калмыки; тувинцы; Ледяной дом; Дондук-Омбо; Артемий Петрович Волинский; империя; власть

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>.

Для цитирования:

Четырова Л. Б., Сергеева Н. М. Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 171-192. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.11>

Четырова Любовь Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-54. Эл. адрес: chetyrova@gmail.com

Сергеева Наталия Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-88. Эл. адрес: bo-na-mi@yandex.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

**Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans
in the context of power relations****Lyubov B. Chetyrova, Nataliya M. Sergeeva**

Samara University, Russian Federation

The article examines the issue of visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of power relations. The methodological basis of the study is the decolonial theory; the authors also use visual analysis methods. It is assumed that in their form and content, visual representations of the Oirat-Kalmyks and Tuvans contain hidden and explicit signs indicating the specific character of their relations with the Russian authorities.

The source base of the research comprises visual documents of the imperial period stored in the Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve, the National Archives of the Republic of Tuva and in the private collection of S. Yu. Stepanov (Astrakhan, Russia).

The first section of the article presents a study of the history of the representation of foreigners in the Russian Empire; it is considered how the visualization of subjects of the multi-ethnic empire was carried out at the All-Russian Ethnographic Exhibition of 1867. The authors conduct a research on when such a visualization first occurred – namely, thanks to the famous Ice House. By using historical materials dedicated to the Kalmyk Khan Donduk-Ombo, it is proved that the Ice House was not just a wedding of two court jesters, but a project ensuring that such a representation was carried out. In such a way, they determined places of outlanders in the colonial hierarchy.

The second section gives an analysis of photographs containing markers that fix the place of the Oirat-Kalmyks in their relations with the authorities, taking into account the described historical context. The analysis of visual documents representing the Oirat-Kalmyks reveals the strategy of symbolic submission used by the imperial power and the tactics of symbolic resistance and disobedience on the part of the Oirat-Kalmyks. The imperial representation of the Oirat-Kalmyks is largely provided by their images on postcards, which look theatrical, emphasize the otherness of the Kalmyks, make them an object of consideration and comparison with the majority (the Russians) whose tokens in the form of household items are also present in the composition in almost all cases.

The third section considers the visual representations of the Tuvans during their entry into the protectorate of Russia. These representations look like photographic reports from the scene of an event that were made in natural living conditions, without the use of retouching and compositional designation of the superior or, on the contrary, subordinate position of this people. Here both the form and content of representations indicate exceptional, in comparison with the emphatically objectified Oirat-Kalmyks, relationship between the Russians and Tuvan nomads. Representatives of the ruling elite of Tuva are portrayed as truly independent, self-determined, connected with the imperial authorities as partners. Thus, the Tuvan visual case not only illustrates the specific features of the real history of integration between the Tuvans and the Russians, but also highlights the policy of “otherness” in relation to Kalmyk nomads by contrast.

Keywords: visual images; modernity; photography; postcards; Oirat-Kalmyks; Tuvans; Ice House; Donduk-Ombo; Artemy Petrovich Volynsky; empire; power

Financing

The research was supported with a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-01767, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01767/>.

For citation:

Chetyrova L. B. and Sergeeva N. M. Vizual'naiia reprezentatsiia oirat-kalmykov i tuvintsev v kontekste vlastnykh otnoshenii [Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of power relations]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 171-192. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.11>

CHETYROVA, Lyubov Borisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-54. E-mail: chetyrova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5064-8735

SERGEEVA, Nataliya Mikhailovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Sociological and Marketing Research Methodology, Samara University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-88. E-mail: bo-na-mi@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3569-5397

Введение

Данная статья является продолжением наших предыдущих публикаций (Четырова, Сергеева, 2022; Сергеева, Четырова, 2022) и посвящена репрезентации инородцев в имперском дискурсе, в том числе рассмотрению визуальных образов ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений. По визуальной репрезентации указанных народов можно судить о том, как строились отношения русской власти с ними, как властные отношения влияли на форматирование их облика. Как способы визуальной репрезентации, так и сами визуальные образы ойрат-калмыков и тувинцев во многом предопределяются длительностью пребывания в российской империи, как это было в случае с ойрат-калмыками, или экспансии Российской империи, как произошло в случае с тувинцами. Как и в предыдущих статьях, в своем анализе мы опираемся на деколониальную теорию (Quijano, 2007; Tlostanova, Mignolo, 2012; Mignolo, Walsh, 2018), а также применяем методы визуального анализа.

С точки зрения деколониальной теории, избранной нами в качестве методологической основы, колониальность и модернность выступают как две опоры европейской цивилизации (Mignolo, Walsh, 2018). Поскольку колониальность неразрывно связана с империей, то отношения колонизируемых и колонизаторов должны быть рассмотрены в контексте взаимосвязи всех трех феноменов — колониальности, модерности и империи. При сравнении имперского опыта ойрат-калмыков и предков современных тувинцев следует учитывать, что если долгосрочные отношения ойрат-калмыков с русской властью начали складываться еще в доимперский период российской истории, то подобные отношения тувинцев с русской властью стали формироваться достаточно поздно, в начале XX в., когда Российская империя уже сложилась. В период становления империи российские власти использовали военные ресурсы ойрат-калмыков для борьбы с другими кочевниками и для охраны своих юго-восточных и южных границ, взамен позволяя ойрат-калмыкам иметь относительно автономную государственность (Четырова, 2016; Khodarkovsky, 1992). Вовлекшись в имперскую игру, проводимую российскими властями, ойрат-калмыки попались в сети колониальности и потерпели неудачу в своем первоначальном замысле восстановления государственности монголов на прежних вассальных территориях. У предков современных тувинцев все обстояло иначе: не имея собственной государственности, они входили в состав Цинской империи, и начали вовлекаться в российские процессы лишь со второй половины XIX века.

В этом контексте мы поднимем вопрос о визуальной репрезентации властных отношений рассматриваемых народов.

Таким образом, цель настоящей статьи — описать явные и установить латентные знаки подчиненности ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений, основываясь на их фотографических и иных визуальных репрезентациях в имперский период, принимая во внимание разницу в этнополитической истории двух народов.

Источниковую базу составляют фотографии (и фотооткрытки), сделанные в имперский период, имеющие открытый публичный характер и изображающие ойрат-калмыков и тувинцев в ситуации демонстрации индивидуального или соотносительного социального статуса с русскими, условно воспринимаемыми в данном случае в качестве властной элиты.

Репрезентация инородцев в российской империи в XVIII–XIX вв.

Россия, сложившись как полиэтническая империя, столкнулась с вопросом идентичности своих подданных уже в XVIII в., а в XIX столетии произошла тематизация этого вопроса в дискурсе общеимперской гражданской идентичности. Впервые данный вопрос был артикулирован графом С. С. Уваровым (1786–1855), который и предложил его решение, суть которого выражалась в знаменитой триаде «православие — самодержавие — народность». По мнению историков, существуют две версии трактовки этой триады (Зорин, 1997: 86–87). Согласно первой трактовке, самодержавие понималось как политический институт, не имевший сакральной окраски. Уваров интерпретировал его не в терминах божественного откровения, а как условие гармонизации отношений в государстве (Вортман, 1999: 235). Вторая трактовка триады появилась в годы правления Александра II, когда в имперском дискурсе возникли тенденции русификации и одновременно этнизации концепта народности, понимаемой как нация. Переинтерпретация триады произошла в дискурсе панславизма, усилившегося в духовном пространстве России после поражения в Крымской войне, а также в дискурсе

формирования единства полиэтнической империи (Зорин, 1997: 86–87). Наглядным примером этого может послужить ход подготовки и проведения Всероссийской этнографической выставки 1867 г. Выставка стала важным опытом визуальной репрезентации этнического многообразия Российской империи. Изначально она мыслилась как мероприятие, цель которого — показ разнообразия этнических типов в России. Однако захваченные идеями панславизма ее организаторы включили в состав выставки те славянские народы, которые не входили в состав Российской империи, расширяя тем самым ее задачи.

Тем не менее важнейшая задача выставки заключалась в том, чтобы с помощью экспонатов выставки визуализировать подданных многонародной империи. Всего экспонировалось более 3000 предметов: 295 фигур-манекенов в этнических костюмах, предметы быта, музыкальные инструменты, модели построек и орудий труда, а также около 1500 фотографий. «Были придуманы, — как пишет К. Ю. Соловьева, — сцены, демонстрировавшие наиболее яркие стороны их повседневной жизни (занятия, жилище, ремесла) или события: ярмарка, свадебный обряд, ритуальная практика и т. д.» (Соловьева, 2022: 8). Выставка, визуализируя подданных империи, тем самым демонстрировала их гражданство, позволяла представить его «не как абстрактную юридическую категорию, а как нечто конкретно-ощутимое» (Савицкий, 2020: Электр. ресурс).

Понимая важность визуализации этнических групп, организаторы выставки со всей серьезностью занялись в подготовительный период созданием инструкций для художников и фотографов. Инструкция для художников предписывала создание экспозиции, состоящей из демонстрирующих «частные племена» фигур-манекенов, которые должны были представить три фигуры — мужчина, женщина (девица) и ребенок. Подробно описывается, из чего должны быть сделаны головы фигур-манекенов, глаза, как они должны быть драпированы и какое выражение лица следует им придать¹. Как для художников, так и для фотографов это была первая инструкция, формирующая рамку, в которой следует рассматривать объект фотографирования. Фотографам было предложено предоставить по 50 поясных портретов того или иного племени, выполненных в анфас и профиль. При выборе лиц для фотографирования им следовало руководствоваться принципом типичности, под которым понималась частота лиц с определенными чертами в данной местности. Рекомендовано было фотографировать лиц крестьянского, купеческого сословия и сельского духовенства². В случае с инородцами фотографировали и местную знать.

На выставке были представлены экспонаты, относящиеся к астраханским калмыкам. Астрахань, будучи полиэтническим имперским городом, активно готовилась к участию во Всероссийской этнографической выставке в Москве. С. И. Нагайкина, анализируя деятельность астраханских фотографов, приводит цитату из газеты «Астраханский справочный листок» (10 февраля 1867 г.): «Наша губерния по своему разнохарактерному народонаселению больше других должна принять участие в выставке, которая особенно в России должна иметь важное значение, так как характеризует наше Отечество» (цит. по: Нагайкина, 2011: 14). Главный попечитель калмыцкого народа³ К. И. Костенков собрал коллекцию калмыцкой национальной одежды, а фотограф С. М. Вишневецкий подготовил «Фотографический альбом видов и типов Астраханской губернии», изданный в Астрахани в 1866 г. в преддверии выставки. Всего на выставке было представлено восемь фотографий калмыков.

Собрание типажей являлось своего рода инвентаризацией Российской империей подвластных ей народов. То, о чем пишет С. М. Горшенина, описывая историю фотофиксация Туркестана и его народа, применимо и к калмыкам: «Выгоды использования фотографии в колониальной ситуации также были признаны очевидными, в частности, благодаря международным выставкам... <...> В этом плане им была прекрасно понята роль фотографии в качестве идеального медиума, способствующего коллекционированию, классификации и контролированию фактов, полезных для колониальной администрации» (Горшенина, 2021: 52–53).

¹ Согласно инструкции, «желательно правдивое, соответствующее действительным условиям характера племени выражение, в котором художник не украшал бы естественные черты данного лица и не уклонялся бы от типичности» (Этнографическая выставка ..., 1878: 4).

² См.: Там же. С. 5.

³ Глава администрации, руководившей калмыками Астраханской губернии и Кавказкой области. Должность была учреждена в 1835 г. согласно Положению об управлении калмыцким народом.

Если взглянуть ретроспективно, то первый известный в истории русской живописи портрет женщины, а точнее девочки, неславянской внешности — это «Портрет калмычки Аннушки» крепостного художника Ивана Аргунова (рис. 1). При этом оба — и живописец, и его очаровательная модель — имели низкий социальный статус, являясь крепостными графов Шереметевых.

Рис. 1. Портрет калмычки Аннушки. И. П. Аргунов. 1767 г. Государственный музей-заповедник «Кусково».
Fig. 1. Portrait of the Kalmyk girl Annushka by I. P. Argunov, 1767. The State Museum-Reserve "Kuskovo".

Для царского двора, а затем и для русской знати того времени, распространенной была практика обзаведения экзотичными «дикарями» как своими, так и доставленными извне. Можно привести ставшие уже хрестоматийными примерами случаи арапа Петра Великого или Евдокии Бужениновой — любимой шутихи Анны Иоанновны. «Приручение» маленьких «дикарей» осуществлялось их переодеванием в «цивилизованную» одежду, обучением грамоте, обращением в христианство. Ту же Аннушку с портрета 1767 г. хозяева любили как родную дочь, а впоследствии выдали замуж за дворянина Фатьянова. Или, к примеру, художник Федор Калмык, которого ребенком яицкие казаки захватили в плен при набеге на стан калмыков, бежавших из России в Джунгарию в 1771 г. Мальчик был затем подарен императрице Екатерине II, которая, в свою очередь, подарила его принцессе Амалии Гессен-Дармштадской¹.

¹ Появившаяся еще со времен крестовых походов традиция иметь при европейских дворах арапов, перенесенная в российскую культуру во времена царя-реформатора Петра Первого, видоизменилась за счет привлечения «своих» людей нестандартной неевропейской внешности, в частности калмыков. Одним из таковых и стал Федор Калмык, судьбу которого описал со слов лиц, знакомых лично с художником, П. П. Свиньин в статье «Русский калмык, Баденский придворный живописец» (Отечественные записки. 1823. Ч. XVI. № 42. С. 165–168). В романе немецкой писательницы П. Реатеги есть его изображение на картине

Буженинова вошла в историю благодаря проекту Ледяного дома¹, в котором была выдана замуж императрицей Анной Иоанновной за шута — провинившегося, но не лишённого титула князя Голицына².

Потешная свадьба шутов в Ледяном доме была, как пишет Е. А. Погосян, продолжением начатых ещё Петром Первым маскарадов «этнографической» тематики (Погосян, 2001: 84). По сути данное мероприятие стало первой визуальной репрезентацией народов, обитавших в Российской империи. Подробное описание «курьезной» свадьбы, состоявшейся 6 февраля 1740 г., дал С. Н. Шубинский, основываясь на разных источниках (Шубинский, 1908: 187–190). Более ценно, однако, свидетельство очевидца этой потешной свадьбы в Ледяном доме — К. Г. Манштейна³, который формулирует цель этого действия — «показать сколько различных народов обитают въ ея (императрицы Анны Иоанновны. — Л. Ч., Н. С.) обширных владениях...» (Манштейн, 1875: 184). При том, что в XVIII столетии количество инородцев было не таким большим. По словам И. Ф. Гакмана, «всѣ многочисленныя племена, разсѣянныя по всему лицу обширныя Россіи не составляютъ однакожъ вообще десятой части количества, въ сравненіи природныхъ Россіанъ, одинъ языкъ славянороссійскій употребляющихъ» (Гакман, 1787: 188).

Для этого «императрица прѣдписала всѣмъ губернаторамъ выслать въ Петербургъ по нѣскольку инородцевъ обоого пола» (Манштейн, 1875: 184). Всего набралось более 300 гостей — «инородцев обоого пола»⁴. В свадебном поезде «новобрачные сидѣли въ большой клѣткѣ, прикрѣпленной къ спинѣ слона; гости парами ѣхали въ саняхъ, въ которыя были запряжены разныя животныя: олени, собаки, волы, козлы, свиньи и т. д.» (там же: 185).

«Наследная принцесса Амалия и ее паж Федор», написанной художником И. В. Хаувиллером (1774–1775 гг.). Мальчик-калмык одет в европейскую одежду, особую экзотичность его облику придает «китайская» причёска — обритая голова с косичкой на затылке. См.: Reategui P. Hofmaler: Das gestohlene Leben des Feodor Ivannoff genannt Kalmück. Bad Saulgau : Triglyph Verlag, 2017. 400 s. URL: <http://triglyph.de/buecher/hofmaler-das-gestohlene-leben-des-feodor-ivannoff/> (дата обращения: 10.03.2023).

¹ По словам директора МАЭ РАН (Кунсткамера) А. В. Головнева, концепция Ледяного дома была разработана в Академии наук, которая располагала к тому времени солидным этнографическим материалом (пленарный доклад на XV конгрессе антропологов и этнологов России, 26 июня 2023, г. Санкт-Петербург, аудиозапись). Например, благодаря академику Г. Ф. Миллеру, который провел в Сибири 10 лет (1733–1743 гг.), были собраны уникальные этнографические описания коренных жителей Сибири, проиллюстрированные художниками академического отряда Великой Северной экспедиции (зарисовки физических типов коренных жителей Сибири, их жилищ, одежды, быта, предметов культа) (см.: Элерт, 2007: 10).

Поскольку репрезентация народов была концептуально оформлена, то правомерно обозначить «курьезную свадьбу» как проект, точнее первый проект репрезентации народов империи.

² Несмотря на маскарадность, с правовой точки зрения свадьба была настоящей. После смерти Анны Иоанновна ее наследница Анна Леопольдовна ликвидировала институт придворных шутов, и князь М. А. Голицын уехал в свое родовое имение вместе с супругой Евдокией Ивановной (Шубинский, 1908: 190–191). Прожила она здесь всего два года, успев тем не менее родить двух сыновей. См.: Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым : [в 4-х ч.]. СПб. : Тип. К. Вингебера, 1854. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/rossijskaja-rodoslovnaja-kniga/42> (дата обращения: 10.03.2023).

³ К. Г. фон Манштейн — прусский военный, состоявший на русской службе с 1736 по 1744 г. Его мемуары считаются важными источником по русской истории 1740-х гг.

⁴ Было бы неверно считать, что для реализации проекта набралось 150 представителей народов России. В учебнике историка и географа И. Ф. Гакмана «Пространное землеописание Российского государства, изданное в пользу учащихся по Высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй», в главе III «О обитателях государства» (Гакман, 1767: 131–189) приводятся 53 народа, не считая иностранных переселенцев, вроде грузин или персов. Причем наиболее полная и подробная информация приводится по сибирским и дальневосточным народам. Например, характеристика алеутов дается на шести страницах, в то время как описание мордвы, чувашей и черемисов в совокупности составляет одну страницу. Видимо, этнографические сведения, собранные во время Великой Северной экспедиции академиком Миллером, и через тридцать лет составляли основу этнографии и географии.

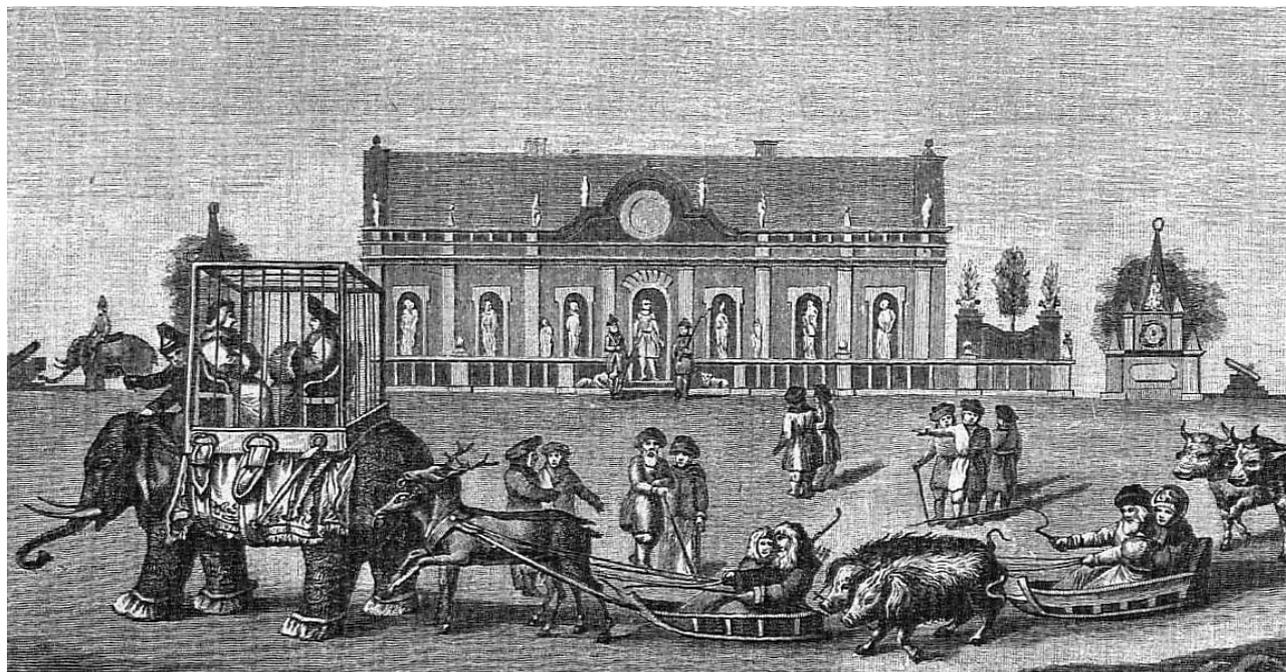

Рис. 2. Ледяной дом и шутовская свадьба в нем в царствование Анны Иоанновны. Гравюра XVIII в. (Шубинский, 1908: 173).

Fig. 2. The Ice House and the jesters' wedding in it during the reign of Anna Ioannovna. Engraving of the 18th century (Shubinsky, 1908: 173).

В связи с этим возникает вопрос: почему репрезентация народов империи приобрела здесь такую не просто маскарадную, но уничижительную форму? Что подтверждает выбор в качестве ездовых животных козлов и свиней, которые ни в одной из представленных культур не использовались в таком качестве. К тому же в русском языке лексически свинья имеет больше негативных коннотаций, чем положительных¹, из-за чего негативные коннотации приобретает то, кто составляет пару с ней — ездок.

Надо заметить, что Шубинский в своей книге, написанной в начале XX в., когда уже состоялась вполне уважаемая Этнографическая выставка 1867 г., не пишет о желании императрицы показать сколько народов подвластны ей. «По именному Высочайшему повелѣнію, — пишет он, — къ «курьезной» свадьбѣ Голицына съ Бужениновой были доставлены въ Петербургъ изъ разныхъ концовъ Россіи по два человѣка обоого пола всѣхъ племень и народовъ, подвластныхъ русской государынѣ» (Шубинский, 1908: 189). Акцент Шубинским был сделан на самой курьезной свадьбе, куда следовало пригласить «курьезных» гостей, а иных быть на такой свадьбе не могло. Поскольку свадьба курьезная, то и гости были «курьезными». Историк Шубинский уже не говорит о репрезентации многонародности империи применительно к событию в Ледяном доме, в отличие от очевидца Манштейна.

Е. А. Погосян вслед за Шубинским пишет, что данное мероприятие не было демонстрацией многонародности империи. Обратив внимание на то, что молодых называли «ханский сын» и «ханка», исследовательница интерпретирует этот факт в перспективе победы над Портой и ее передним краем в борьбе с Россией — Крымским ханом (Погосян, 2001: 90–92). Она полагает, что помещение «ханского сына» и «ханки» в клетку символизирует переворачивание ситуации. Если раньше крымчаки продавали русских в рабство, то теперь они сами сидят в клетке. «Курьезная» свадьба должна была продемонстрировать унижение поверженного хана.

Возникает вопрос: была ли в этом необходимость? Ведь побеждена была Блистательная Порта, а значит унижать следовало турецкого султана, а не его вассала — крымского хана.

Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к тем персонам, которые занимались реализацией желания императрицы устроить свадьбу двух шутов. Идею построить дом из льда на Неве

¹ Сравнение данного зоонима в русском и вьетнамском языках показало, что в обоих языках негативные культурные коннотации преобладают (Ням Тхи Ван Ань, 2018).

и обвенчать в нем молодых «курьезным образом» подал камергер А. Д. Татищев (1697–1760), а ее реализацией занялась «маскарадная комиссия», возглавляемая кабинет-министром А. П. Волинским (1689–1740) (Шубинский, 1908: 187).

Проект Ледяного дома интересен не столько фактом свадьбы шутов, сколько той символической стратегией, которую применила «маскарадная комиссия», возглавляемая Волинским, при репрезентации разноликих и разноязыких подданных Ее Величества. На наш взгляд, здесь имел место иной, более тонкий, ход, цель которого — унижить тогдашнего правителя Калмыцкого ханства Дондука-Омбо (?–1741). Будучи астраханским губернатором в период с 1719 по 1725 г., Волинский был хорошо знаком с ним и имел с ним свои личные счеты. На время его управления пали начало и разгар калмыцкой междоусобицы, начавшейся после смерти Аюки-хана в 1724 г. Назначенный правительством в качестве наместника Церен-Дондук (сын Аюки-хана) не имел авторитета у калмыков, что стало причиной многолетней распри. Главным противником нового правителя калмыков стал его племянник Дондук-Омбо¹, доставивший Волинскому много хлопот². Волинский описывает события калмыцкой распри в письме от 31 августа 1725 г. к цесаревне Елизавете следующим образом: «...также они (Дондук-Омбо и его сторонники. — Л. Ч., Н. С.) хотели брата своего родного, который в прошлом году крестился, Петр Тайшин, убить до смерти, отчего он от них ушел ко мне, и что я его назад им не отдал, — за то меня самого хотели поймать и, взяв меня с собою, бежать к Кубани со всеми улусами, и что там меня держать у себя скованова» (Волинский, 1865: 326–327). Понятно, что такие намерения Дондука-Омбо вызывали опасения и неприязнь губернатора³.

В конечном итоге Дондук-Омбо в 1731 г. уводит большую часть калмыцких улусов на Кубань, под протекторат крымского хана. Все это время русские власти пытались образумить и вернуть его с улусами в пределы России. К началу очередной русско-турецкой войны (1735–1739 гг.) Дондук-Омбо становится значительной политической фигурой во внешней политике как русских, так и турок с крымскими татарами. Крымский хан наделил Дондука-Омбо титулом «турецкий сераскер-султан, правитель над кубанским и калмыцким народом главный» (Цюрюмов, 2007: 224). В свою очередь русское правительство летом 1734 г. приняло принципиальное решение — добиться согласия мятежного владельца через пожалование ему титула хана⁴. Ему была послана грамота на ханское достоинство. В тексте грамоты недвусмысленно формулируется требование взамен титула хана участие в войне с крымским ханом. Здесь говорится о том, что «знатная персона» Ф. Соймонов должен вручить Дондуку-Омбо грамоту и «знаки Ханства»: знамя, саблю, шубу и шапку. Далее формулируется цель, которую поставило правительство: «...Соймонов именем и по указу Нашему будет тебе объявлять и говорить о походе в Крым...» (цит. по: Тепкеев, 2019: 631). По сути здесь выражены результаты торга между Дондуком-Омбо и русским правительством: участие в турецком походе взамен титула хана.

Дондук-Омбо принял грамоту, стал наместником и выступил в поход против своих недавних союзников. Его громадное по тем временам 20-тысячное войско весьма успешно действовало в русско-турецкой кампании (1735–1739 гг.). Очевидец и участник этой кампании К. Г. Манштейн, подробно описывая экспедиции знаменитого, как он его называет, Дондука-Омбо, приводит следующие цифры полученной в результате успешной операции добычи: «...до 20-ти т. лошадей, сверх рогатого скота и

¹ В народной памяти калмыков Дондук-Омбо остался как весьма авторитетный правитель, в ряду таких ханов как Аюка и Дондук-Даши. Но в отличие от них в калмыцких преданиях его образ представляет собой жестокосердного хана и человека (Бакаева, 2021: 414–415).

² Историк А. Г. Митиров на основании архивных документов и дневника губернатора Волинского отмечает, что его политика в отношении калмыков была совершенно беспомощной, основана на неверных представлениях о калмыках, к которым он относился с высокомерием и пренебрежением. В том, что смута разгорелась, в немалой степени был повинен сам губернатор (Митиров, 1998: 130–144).

³ Случаев, чтобы подобным образом калмыки поступали с русскими вельможами такого ранга, не было. Опасения Волинского, вероятно, вызваны тем, что внук Аюки-хана Нитар-Доржи побил русского переводчика Бакунина, грозясь убить и его, и губернатора Волинского. Зазвав Бакунина к себе он «бил его палками, метался на него с кинжалом и, выведя его из кибитки, хотел его из ружья застрелить... проговаривая, что то ж сделает он и с губернатором Волинским...» (Бакунин, 1995: 52–53).

⁴ Однако ханский статус, обретенный благодаря грамоте императрицы, был полулегитимным с точки зрения калмыцкой политической традиции. Необходим был ханский ярлык от Далай-ламы, поэтому после церемонии вручения грамоты новый калмыцкий хан срочно занялся организацией миссии в Лхасу (Тепкеев, 2019: 627).

овець» (Манштейн, 1875: 105), более 10 тысяч пленных. По словам самого Дондука-Омбо, «давно онъ не одерживалъ такой полной побѣды» (там же).

Выполняя приказы фельдмаршала Миниха, Дондук-Омбо тем не менее позволил себе свою собственную «странную», как ее охарактеризовал Манштейн, экспедицию. Так, после успешного захвата русской армией города Карасубазара в Крыму калмыки исчезли на два дня, вызвав тем глубокую озабоченность фельдмаршала и других военачальников. Появились они с тысячей пленных, в числе которых были мурзы — татарская элита (там же: 127). Такое своеволие, естественно, не понравилось ни военачальникам, ни правительству.

Дондук-Омбо проявлял свой строптивый нрав и ранее, на этапе «прощения» его ухода на Кубань. После долгих переговоров с ним ему была послана в 1733 г. грамота императрицы, в которой она прощала его измену и склоняла к добровольному возвращению. Обязательным условием прощения было требование принять грамоту не «горделивым образом», а встав со своего места (Бакунин, 1995: 102). Строптивый гордый князь и будущий хан Дондук-Омбо, ссылаясь на калмыцкие политические традиции, отказался снимать шапку и принять грамоту стоя (там же: 102–103). *Вопрос о шапке* решался с марта 1733 г. по ноябрь 1735 г. — два с половиной года. В конце концов власть уступила, поручив предводителю донских казаков Ефремову завершить это тонкое дело. По приезду в улусы к Дондуку-Омбо он был к нему допущен и «подал грамоту», которую тот «принял сидя и в шапке» (там же: 126).

Существование относительно автономного Калмыцкого ханства в составе Российской империи, естественно, раздражало императрицу, а вызывающее поведение правителя калмыков еще более¹. С одной стороны, хан Дондук-Омбо и подвластные ему калмыки были награждены и обласканы за их победоносное участие в войне с турками, с другой стороны, символически следовало определить то место, которое они должны занять в колониальной иерархии власти. На наш взгляд, именно этим объясняется выбор калмычки в качестве невесты и шутовская репрезентация ее и опального князя Голицына в качестве *ханки и хана*.

Следовательно, проект Ледяного дома действительно был репрезентацией и визуализацией этнического разнообразия империи, но вместе с тем визуально через шутовскую свадьбу он репрезентировал установление иерархии имперских властных отношений, где калмыкам отводилась подчиненная роль. Привлечение исторического материала, касающегося хана Дондука-Омбо, подтверждает это.

Визуальные репрезентации властных отношений у ойрат-калмыков

В описанной нами перспективе символического определения места калмыков в иерархии имперских властных отношений рассмотрим фотографии калмыков XIX в. Обратимся к фотографии знатной калмычки (*фото 1*) из альбома Вишневого, подготовленного к выставке. Рассмотрение в контексте властных отношений данной открытки-портрета позволяет выявить знаки власти и подчинения прежде всего через расположение тела и позирование относительно членов in- и out-группы: других — ойрат-калмыков и русских.

Речь идет о портрете знатной калмычки — вдовы князя² Церен-Норбо Тюменя, младшего из 4-х братьев Тюменей, владельцев Хошеутовского улуса. Двое из них были участниками Отечественной войны 1812 года и заграничных походов российской армии. По фотографии, а именно по «личному

¹ Важная особенность Калмыцкого ханства состояла в том, что легитимация его правителей и, соответственно, самого ханства, осуществлялась не только русскими властями, но и главой теократического государства Тибет, находившегося в тысячах километров от Волги. Первый калмыцкий хан Аюка получил свой титул в 1690 г. от Пятого Далай-ламы в царствование царей Петра и Иоанна (Митиров, 1998: 101–102).

² К привилегированному сословию в калмыцком обществе относились представители *белой кости* — нойоны. В качестве аналога данного термина в литературе рассматриваемого периода использовался термин *князь*. Например, в своем методическом пособии Гакман пишет о социальной структуре калмыков следующее: «У нихъ три чиностоянїя. I°. *Дворянство* или какъ они называютъ *бѣлыя кости*, и подъ симъ разумѣютъ Князей» (Гакман, 1787: 166; курсив источника. — Л. Ч., Н. С.). Князьями также называли тех владельцев (нойонов), которые перешли в православие. Например, внук Аюки-хана Баксадай-Доржи после крещения стал князем Петром Тайшиным, а его жена — княгиней Тайшиной, жена и дети Дондука-Омбо после крещения стали князьями Дондуковыми. В некоторых случаях князьями называли особо отличившихся в служении государству нойонов, к числу которых относились нойоны Тюмени — Тундутовы.

Фото 1. Портрет знатной калмычки. 1860-е гг. С. М. Вишнеvский. Из коллекции С. Ю. Степанова.
Photo 1. Portrait of a noble Kalmyk woman. The 1860s. S. M. Vishnevsky. From the collection of S. Yu. Stepanov.

переднему плану», видно, что женщина занимает высокий социальный статус. Княгиня Эльзен-Цок спокойно и уверенно сидит в кресле с изящной резной спинкой, облокотившись на столик, сделанный в подобном креслу стиле. С одной стороны, данная поза является естественной необходимостью статичного позирования во время долгой выдержки фотокамеры, но, с другой стороны, она удачно вписывает женщину в окружающее пространство и придает дополнительную статусность. Данная поза сидя, облокотившись на специально подготовленный в ателье реквизит, является каноничной для портретирования в данную эпоху, ее часто можно встретить на других фотографиях важных господ, преимущественно европейцев.

«Личный передний план» женщины представлен национальным костюмом с многочисленными символическими деталями: это платье — *берзе* с длинными рукавами, роскошные калмыцкие пуговицы из серебра, украшенные драгоценными камнями, пояс с украшениями на концах, надетый сверху богато расшитый жилет — *цегдег*. У дамы кольца на пальцах, серьги, амулеты на шее. На голове праздничный вариант женского головного убора — искусно расшитый и украшенный бахромой *халмг* с бархатными чехлами-накосниками — *шиврлгами*. Судя по всему, это явно коммерческое фото¹, предназначенное для продажи не только в России, но и на Западе людям, интересующимся азиатской экзотикой.

Тем не менее на фото явно виден эффект (феномен) скрытых отношений власти. Несмотря на то, что внешние атрибуты — одежда, украшения и прочее — подчеркивают высокий статус княгини, назвать ее позу уверенной сложно. Нет интеракции со зрителем: при прямой посадке головы глаза опущены, взгляд направлен вниз. На лице выражение скорее подчиненно-спокойное. Знатная калмычка на момент фотографирования возглавляла Хошеутовский улус по причине смерти супруга и отсутствия других взрослых мужчин-родственников. Ее правая рука покорно лежит на колене, а левая имеет опору, что соответствует канону создания подобных парадных портретов. В парадных портретах знати почти всегда рука что-то удерживает, часто символы власти. Здесь же калмыцкая княгиня как бы «приглашена» продемонстрировать знатную инаковость.

На примере Аннушки с портрета 1767 г. (*рис. 1*) хорошо видна этапность отношений к этнической инаковости, от попыток нивелировать ее до, напротив, максимально подчеркнуть и даже преувеличить. Несмотря на то, что художник не стал (а мог бы) нарочито менять (европеизировать) черты лица девочки и даже постарался передать смуглый цвет ее кожи, платье и прическа Аннушки типично европейские. Напротив, портрет княгини Эльзен-Цок (*фото 1*) до мельчайших деталей, за исключением канонической позы позирования статусных господ, подчеркивает этническую идентичность. С одной стороны (более оптимистичной), можно предположить, что именно статус позволяет женщине на уровне визуальной самопрезентации не подстраиваться под порядки властной элиты империи. С другой стороны (более реалистичной), годы создания данного портрета — это время активного увлечения антропометрическими, социальными, классовыми и другими подобными фотографическими атласами с «типажами». Согласно инструкции для фотографов, С. М. Вишневецкий рассматривал знатную калмычку как типаж, поэтому визуальная выразительность ее статуса поощрялась именно для наглядности типажа. Изображение типажей представляло интерес как для коллекционеров и просто любознательных иностранцев (напомним, что портрет калмычки выполнен также как открытка), так и для научно-исследовательских целей.

На следующем фото (*фото 2*) мы видим позирование большого количества мужчин, занятых распитием чая, на фоне *гер* — калмыцкого жилища. Калмыки издревле славятся своей чайной культурой, которая как воспета поэтами, так и достаточно хорошо изучена исследователями (Шараева, Айыжы, 2019). Однако чаепитие — это далеко не только гастрономическая практика или способ лечения, но и сложный социокультурный обряд, имеющий ряд символических предписаний и сакральных значений, которыми обладают, казалось бы, простые действия, от приготовления напитка до его подношения гостю. Например, отдельные этапы калмыцкого чаепития связаны с тем, чтобы «угостить» покровителей и божеств.

Если обратиться к анализу фотографии калмыков за чаем, то видно, что в композиции отсутствует динамика (нет диагоналей), горизонтальный угол — лобовой (зритель приглашен на чаепитие), вертикальный угол также отсутствует (фотограф приседал, чем уравнивал позиции своих моделей и зрителя).

¹ О коммерческой фотографии см. работу Е. Б. Толмачевой (Толмачева, 2007).

Фото 2. Астрахань. Калмыки за чаем. И. М. Бочкарев. Конец XIX — начало XX в.
(фонд ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», кп 40247/138 ф 18883).

Photo 2. Astrakhan. Kalmyks at tea. I. M. Bochkarev. The end of the 19th — the early 20th c.
(the fonds of the Astrakhan Museum-Reserve, кр 40247/138 f 18883).

На снимке нет очевидного взаимодействия с внешней властью, но латентно оно прочитывается в этом сочленении подчинения в «личном переднем плане» мужчин (одежде, позах, работе на камеру) и приверженности исконным традициям и обрядовым предписаниям калмыков. Данное противоречие французский социальный философ и культуролог Мишель де Серто обозначает как символическое противоборство, в котором есть «стратегии» доминирования, навязывания ценностей и предписания определенных форм поведения властной элитой и «тактики» символического сопротивления, скрытого неподчинения осознающей свое угнетение слабой стороны (своего рода «анти-поведение») (Серто, 2013).

На фото можно выделить два сегмента — «заставка», фон (задний план) и людей. Фоновое пространство снимка при движении взгляда сверху вниз заполняют небо, легкие облака, небольшая линия горизонта между кибитками — намек на бескрайность, а стационарное строение и большая кибитка — доминирующие по размеру компоненты. Фото явно постановочное и выглядит как многослойная декорация, заставка к спектаклю: «Так живут калмыки». Об этом говорят наличие нескольких планов, ярусное построение, по композиции — выделение группы мужчин с пиалами, группы стоящих калмыков, разновозрастной состав участников, обилие деталей символического характера. Очевидно, фотограф готовил их к съемке, «выстраивал», «рассаживал», так как никто друг друга не закрывает. Те, кто сидят с пиалами, позируют так, словно вот-вот готовы отхлебнуть напиток.

Фото репрезентирует явно стереотипное представление фотографа, который по понятным причинам в данной ситуации управляет расположением калмыков, их позами и жестами. Содержательный центральный фрагмент фотографии — чаепитие группы людей, расположенных в форме полукруга, продуман и сконструирован. Мужчины демонстрируют готовность к чаепитию, держа пиалы как буфторский реквизит. Сидят мужчины уже не на *ширдыке* (коврик из войлока) на земле, а на низких

Фото 3. Астрахань. Калмыки подают прошение. Конец XIX — начало XX вв. Издание Л. Шарбер.

Автор неизвестен (фонд ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», кп 40251/11 ф 19255).

Photo 3. Astrakhan. Kalmyks are handing in a petition. The late 19th — the early 20 c. Published by L. Sharber.

The author is unknown (the fonds of the Astrakhan Museum-Reserve, кп 40251/11 f 19255).

скамейках и табуретах, подобрав под себя ноги. За ними стоят трое мужчин, у двоих на груди висит буддийский оберег — бу, который обычно носят под рубашкой. Фотографу для аутентичности образа необходимо было продемонстрировать элемент буддийской культуры. Все эти знаки «обузданного» калмыка тем ярче выглядят в контексте чаепития, проводимого в традициях.

Геометрическим центром фотографии является большой котел с чаем и сидящий на коленях мальчик с половником, разливающий чай. У калмыков принято, чтобы чай подносил самый младший среди собравшихся. Этот фрагмент, собственно, центральный посыл зрителю — инкорпорирование традиции в новые условия: послушная фигура мальчика и струя чая, единственная, естественная, не поддающаяся властному вмешательству. Вместе с тем, поданный из детских рук чай символизирует неиссякаемость традиции, важной для сохранения этноса.

Чем дальше от этого центра условной власти фотографа-«режиссера», тем больше допустимы естественные телесные проявления (позы) и тактики символического сопротивления. Стоящие и сидящие справа у камышитовой стены кибитки мужчины выступают скорее в роли статистов. Они разные по возрасту и по одежде, в которой наблюдается смешение традиционных калмыцких элементов — калмыцкие шапки, косоворотки, короткие жилетки, картузы. В отличие от держащих пиалы мужчин они не одеты в традиционный мужской *бюшмюд*. Позы, положение корпусов тела, головы у них более свободные, чем у сидящих мужчин. Реакция на происходящее стоящих мужчин не регламентирована — они сами выбирают невербальное поведение в ходе съемки. У этой группы наблюдается разнообразный спектр проявленных эмоций — от настороженно-недоверчивого, скептического выражения до открытой, радостной улыбки парня взирающего на усилия фотографа по созданию «сценки».

Если говорить метафорически, то мы видим калмыков и их *кров* (камышитовую кибитку и одноэтажное глинобитное строение) и *пищу* (чай), вписанными в контекст аккультурации — и кров, и прием пищи, и сами тела и телесность калмыков трансформированы под давлением иной культуры и цивилизации.

Данное *фото 3*, оформленное в виде открытки, является наиболее выразительным в контексте взаимоотношений с властью в рассматриваемой серии снимков. Иконическое сообщение здесь (Барт, 1989) — мужчины-калмыки разного возраста, часть из которых склонила головы перед невидимым для нас агентом власти по ту сторону объектива. Одеты в калмыцкую национальную одежду — мужчины слева в добротные зимние *девл*, молодой мужчина справа — в *бюшмюд*, подпоясанный серебряным наборным ремнем. В самом центре находится мужчина с бумагой в протянутых руках. Все до единого с непокрытой головой, шапки держат в руках, что является символом подчинения¹. Языковое сообщение в виде подписи сверху закрепляет иконическое: «Астрахань. Калмыки подают прошение».

Горизонтальный угол композиции — фронтальный, лобовой, взгляд мужчин исподлобья, что создает впечатление, будто просящие надвигаются на зрителя и вот-вот выйдут за поверхность фотокарточки. Тут фотограф удачно поработал с каноническим выражением прошения. Не исключено, что снимок был «поставлен», условно говоря, смонтирован на этапе производства для решения поставленной задачи репрезентации подчиненного образа ойрат-калмыков. Тот факт, что перед нами не просто фотография, а открытка, более того, рассчитанная на экспорт, судя по двуязычной подписи, только усиливает образ подчинения и объективации.

Однако со знаками проявления подчинения здесь не все просто. В названии открытки фигурирует слово *прошение*, которое с 80-х гг. XVIII в. вытесняет термин *челобитная*, имевшее значение искового заявления (Русанова, 2016: 714). Здесь на фото калмыки подают прошение, которое могло быть как неискowym, так и искowym, требующим судебного решения. Тем не менее, судя по их телесному поведению, они здесь скорее *испрашивают, настаивают, предъявляют*. Об этой особенности поведения калмыков писал в свое время чиновник Н. А. Нефедьев: «Калмыкъ слѣпо покоренъ волѣ вышшихъ; но покоренъ безъ униженія. Если онъ просить о чемъ нибудь, то говорить просто, не зная поклоновъ и не измѣняя ни вида, ни голоса, такъ, что просьба его бываетъ болѣе похожа на требованіе» (Нефедьев, 1834: 174). Ощущение, что просители готовы выйти за рамки фото, демонстрируя динамику, подтверждает эту тактику сопротивления. Склоненная голова центральной фигуры, прошение в его руках контрастирует с положением его тела в динамичном наклоне вперед, как готовности действовать, требовать, отстаивать.

Склонили головы лишь пять мужчин, остальные держатся прямо. У склоненных фигур взгляд исподлобья, непохожий на покорный, а скорее демонстрирующий символическое сопротивление. Покорность же выражается скорее опущенными глазами. Еще одна тактика сопротивления олицетворена в фигуре мальчика-калмыка с любопытством и веселой усмешкой выглядывающего из-за спины рядом стоящего мужчины.

Данная фотооткрытка является медийным посланием, репрезентирующим как попытку символического *подчинения непокорных*, так и их сопротивление. И есть в этом также имперское удовольствие репрезентации своей власти напоказ.

Таким образом, все три фотографии калмыков, рассмотренные в перспективе стратегии выстраивания иерархии властных отношений калмыков с империей в этот период, говорят о столкновении сил подчиняющих агентов власти — в композиции, подписях, общем содержании снимков — и латентных тактик сопротивления подчиненных (калмыков) — прежде всего в позах и пластике тела отдельных лиц на фото, театрализованности в исполнении изобразительных задумок фотографа.

¹ Вспомним правителя Дондука-Омбо, поведение которого было символическим сопротивлением попыткам имперской администрации установить колониальную иерархию власти и подчинить калмыков (Бакунин, 1995: 96–126).

Визуальные репрезентации властных отношений у тувинцев

Ничего подобного в репрезентации явных и латентных взаимоотношений ойрат-калмыков с властью не встречается в тувинском кейсе. Во-первых, последний представлен исключительно фотографиями четы Минцловых, сделанными ими во время экспедиции 1914 г.

Фото 4. С. Минцлов, Буян-Бадыргы и практиковавший в Урянхае врач В. Платонов перед юртой Буяна-Бадыргы, 1914 г. (стр. 125). С. Минцлов, «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. Дневник поездки в Туву в 1914 г. Фотоальбом». Кызыл, 2014. 256 с., илл. Научно-справочная библиотека НА РТ, инв. № 9294.

Photo 4. S. Mintslov, Buyan-Badyrgy and doctor V. Platonov who practiced in Uriankhai, in front of the yurt of Buyan-Badyrgy, 1914 (p. 125). S. Mintslov, "Secret Assignment. A Travel to Uriankhai. Diary of a trip to Tuva in 1914. Photo album". Kyzyl, 2014. 256 p., fig. The Scientific and Reference Library of the National Archives of the Republic of Tuva, inventory No. 9294.

Как фото 4, так и фото 5 изображают Кемчикского нойона¹ в окружении русских гостей у входа в его юрту (фото 4) и, соответственно, внутри (фото 5).

В первом случае князь находится, как и полагается, в центре, во втором — по левую руку от гостя. В обоих случаях обращает на себя внимание ненавязчивый указательный жест левой рукой нойона, в то время как правая рука спокойно лежит на бедре. Возможно, это случайное совпадение, связанное с банальной моторикой тела, но оба раза этот жест указывает на главного гостя: С. Р. Минцлова (фото 4) и В. К. Габаева (фото 5).

Примечательно, что на рассматриваемых снимках не проявляется доминирование нойона над гостями и, наоборот, русских над тувинцем, пусть и высокостатусным. Композиции снимков спокойные, статичные, без горизонтального и вертикального углов.

Используя возможность проведения герменевтической интерпретации изображений (т. е. рефлексии самого фотографа), нельзя не заглянуть в книгу С. Р. Минцлова и его воспоминания по по-

¹ Старинный монгольский титул, обозначающий владетельного князя.

Фото 5. Кемчикский нойон (князь) и В. К. Габаев. На снимке — нойон Даа хошууна Монгуш Буян-Бадыргы, 1914 г. (128 с.).
С. Минцлов, «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. Дневник поездки в Туву в 1914 г. Фотоальбом».
Кызыл, 2014. 256 с., илл. Научно-справочная библиотека НА РТ, инв. № 9294.

Photo 5. The Noyon of Khemchik (Prince) and V. K. Gabaev. In the picture is the Noyon Daa hoshuuna Mongush Buyan-Badyrgy, 1914 (128 p.). S. Mintslov, "Secret Assignment. A Travel to Uriankhai. Diary of a trip to Tuva in 1914. Photo album".
Kyzyl, 2014. 256 p., fig. The Scientific and Reference Library of the National Archives of the Republic of Tuva, inventory No. 9294.

воду проведения данных съемок (Минцлов, 2014). Так мы узнаем, что русский мужчина на фото 5, подписанный В. К. Габаевым, является чиновником, заведующим устройством русского населения в Туве. По сути, это человек, заинтересованный в расположении нойона, однако, судя по комфортной и расслабленной позе (нога на ногу, корпус слегка склоняется к молодому князю), совсем не ищет этого расположения и выглядит как общающийся с ним на равных¹. На фото 5, кроме нойона Буян-Бадырги и Минцлова (слева), изображен также практиковавший в Урянхае врач по фамилии Платонов. Самого Буян-Бадыргы Минцловы охарактеризовали как очень обаятельного и приветливого молодого человека, гостеприимного и почтительного, непременно желающего сфотографироваться с гостями (Минцлов, 2014: 234).

Обе фотографии сделаны в контексте тувинского быта, где нет ни единой отсылки к быту русских, кроме самих русских, позирующих вместе с тувинским нойоном и представляющих империю. Фотографии были сделаны в период вхождения «урянхайцев» под протекторат России. После Мон-

¹ Чиновник по переселенческим делам В. К. Габаев начал свою деятельность с организации землеустройства и выделения земли для новых переселенцев из России. Вел он себя крайне бесцеремонно, отнимая земли не только у рядовых аратов и старых русских поселенцев, но даже у самого амбы-нойона Комбу-Доржу. Такое колониальное поведение вследствие пренебрежения рекомендациями Совета министров не производить землеустройства, осторожно относиться к тувинцам и их нравам, не вызывать у них враждебных чувств, закончилось его отзывом (История Тувы, 2001: 322–323).

гольской революции 1911 г. и образования независимого государства Монголии, а также падения династии Цин в Китае тувинские племена оказались в ситуации выбора — присоединиться к Внешней Монголии или к России. Буян-Бадьрги, ныне почитаемый как основатель тувинской государственности, принимает решение подать прошение 26 октября 1913 г. императору Николаю II, в котором просит «снова принять нас, как триста лет тому назад, в состав Великой России...» (История Тувы, 2001: 317). При этом он апеллирует к тому, что в 1616 г. предки тувинцев «присягали на подданство России», но затем покровительство России «почему-то прекратилось и наш маленький народ, предоставленный самому себе, постепенно и незаконно подпал под влияние императоров маньчжурской династии...» (там же). Высочайшее соизволение на принятие «урянхов» под русское покровительство было дано 5 апреля 1914 г. (там же: 320).

Выйдя из-под власти одной империи — Цинской, тувинцы были в самом начале пути вхождения в другую империю — Российскую. На этом этапе отменялись все прежние повинности и долги перед китайскими и русскими фирмами, устанавливался налог в 75 копеек с каждого аратского двора, сохранялась власть правителей хошунов в пределах их владений и их привилегии, статус буддийской религии и право на соблюдение традиций. Единственно, что строго запрещалось — сношения с иностранными государствами (там же: 320–322). В этом контексте, конечно, фокус оценки тувинских изображений, по сравнению с калмыцкими, сделанными примерно в этот период, отличаются. Если в отношении калмыков применялась разработанная со времен существования Калмыцкого ханства стратегия их подчинения с целью включения в колониальную иерархию власти, то в отношении тувинцев применялась стратегия привлекательности российского протектората. На этом этапе важно было, как писал иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев, чтобы Урянхайский край мирным путем приобщился к русской культуре и подпал «под державное обладание России» (там же: 324).

В этой перспективе относительной самостоятельности и обособленности тувинцев рассмотрим их снимки.

Если воспринимать русских гостей тувинского князя как символических проводников русской власти, то встреча лидеров, как сегодня мы бы сказали, происходила на равных и «без галстуков», т. е. соблюдаются официальные дипломатические правила.

Содержание фото 4 можно рассмотреть и с точки зрения позиционного сосуществования. На снимке три автономные, самодостаточные, индивидуальные фигуры, со своим историческим, культурным, социальным прошлым. Несмотря на физическую близость расположения каждый сохраняет индивидуальное культурное пространство, характеризующееся автономией личных ресурсов, статуса, профессии. У каждого из них в рамках своего пространства есть потенциальная возможность воспользоваться шкалой власти-подчинения. Если говорить о визуальной репрезентации позиций, то условно их можно обозначить: «посланник империи», «князь», «специалист» (путешественник, исполняющий секретное поручение имперской власти, князь, врач¹). У каждого из них свои задачи, при этом выявлены их различия в позах, одежде, выражении лиц.

«Посланник империи», пожалуй, — самая колоритная фигура. Уверенная посадка, сила, добродушие. Левая рука опирается на колено, наклон корпуса чуть вправо. Волосной покров на лице (растительность волос — усы, борода) с элементами естественного беспорядка. Свободная неухоженность путешественника-европейца. Он пока запечатлевает, описывает, исследует предполагаемые будущие владения империи. Для решения этой задачи такой инструмент, как власть, вряд ли нужен. Здесь можно присваивать, не принуждая.

«Специалист» (врач) ограничен профессиональными нормами. Внешний вид более форматирован — спокойное, деловое выражение лица, усы и бородка аккуратны. Он так же, как «посланник империи», опирается правой рукой на колено, но это жест «самоопоры» — знаний, квалификации, долга.

Центральная фигура — «князь», статус которого определяется его рождением. Именно это задает восприятие и принятие любой ситуации с достоинством. У князя спокойное, нейтральное выражение

¹ Присутствие врача на фото объясняется тем, что главное направление деятельности на этом этапе русская власть видела в работе цивилизаторского типа: открытие отделения банка, учреждение почты и телеграфа, улучшение дорожного сообщения, организация медицинской помощи (История Тувы, 2001: 325).

лица, без всякого проявления почтительного угождения. Обращает на себя внимание эмоциональная закрытость, нечитаемость эмоций, свойственная всем тюрко-монголам. Как будто стоит фильтр между эмоциональным внутренним восприятием ситуации и внешним визуальным «высказыванием».

На фото полов юрты открыт и выглядит как знак гостеприимства, как приглашение в дом, как доверие к гостю. Вместе с тем черный проем пространства представляет собой границу, разделяющую «посланника» и «князя».

На фото 5 отношения власти / подчинения скрыты. В. К. Габаев прочно сидит, а князь будто бы только присел. Хотя внешне нет явного доминирования, но и партнерства или сотрудничества не видно. Габаев выглядит здесь как хозяин, демонстрируя свое положение имперского чиновника. Его поза, выражение лица демонстрируют уверенность.

Если сравнивать между собой отношения с властью у ойрат-калмыков и тувинцев на уровне их визуального маркирования и репрезентации в визуальных документах имперского периода, становится явным наличие диалога между двумя сторонами, неравнозначного по распределению сил в связи с разницей их этнополитической истории. Во-первых, тот факт, что кейс ойрат-калмыков представлен не просто фотографиями, а фотооткрытками, рассчитанными не только на российского, но и западного зрителя, говорит о явной форме объективации изображенных ойрат-калмыков как типажей в составе полиэтнической колониальной Российской империи. Почтовая открытка являлась в то время важным инструментом пропаганды. В данном случае пропаганды имперской идеологии, объективировавшей инородцев империи¹. Что же касается кейса тувинцев, то здесь представлены фотографии К. Минцловой, на которых отношения с властью — это скорее соседство и партнерство двух самостоятельных властных элит. Во-вторых, в массиве полученных визуальных документов в калмыцком кейсе не нашлось ни одного изображения ойрат-калмыков рядом с русскими, что исключало возможность сопоставления их телесного положения на одном пространстве. Напротив, тувинские фотографии в контексте отношений с властью в силу текущего этапа этнополитической истории (добровольное вступление Тувы под протекторат России с сохранением своей самобытности) демонстрируют именно соотносительное положение тел русских «гостей» с тувинским князем.

Заключение

Подведем итоги исследования. Появившаяся в XVIII в. первая репрезентация инородцев, визуализировавшая этническое разнообразие империи, носила уничижительный характер. Визуально через шутовскую свадьбу происходила репрезентация устанавливаемой империей иерархии властных отношений. Использование исторического материала, относящегося к калмыцкому хану Дондуку-Омбо, позволило подтвердить это.

Как мы уже писали ранее, в визуальной перспективе положение ойрат-калмыков как субалтернов в российской империи заметно как в содержании визуальных документов, так и в самой их форме — в фотооткрытках. С одной стороны, видна подчеркнутая инаковость, диковинность типажа-инородца, с другой стороны, показана демонстрация их подчиненности имперской власти. Однако подчиненность калмыков формируется в противоборстве стратегии символического подчинения со стороны имперской власти и тактик сопротивления непокорных со стороны калмыков. Что же касается формы, то такой ее вид как фотооткрытка говорит о мере объективации двух народов. Казалось бы, трудно сопоставимый характер самих визуальных документов в двух кейсах — фотооткрытки, изображающие калмыков, и фото К. Минцловой, сопровождавшей мужа, посланного с разведывательным поручением, затрудняет оценку и сравнение их отношений с имперской властью. Однако именно это различие показывает особенности визуального маркирования и репрезентации калмыков и тувинцев в фотографиях имперского периода. Кейс ойрат-калмыков представлен не просто фотографиями, а открытками, рассчитанными и на российского, и на западного зрителя, что говорит о явной форме объективации и, следовательно, подчиненности изображенных ойрат-калмыков как типажей в составе полиэтнической Российской империи. Что же касается фотографий К. Минцловой, то тувинский князь на них репрезентируется и визуально маркируется как представитель пока еще самостоятельной

¹ Тема почтовой открытки как средства пропаганды анализируется в статье «Имперский миф народности и его пропаганда с помощью почтовых открыток» (Четыррова, Четырров, 2023).

властной элиты, связанной с русскими отношениями партнерства. Более длительная история взаимоотношений калмыков с российской империей и сама интенсивность их контактов в конце концов завершилась формированием колониальной иерархии властных отношений, где калмыки занимали положение субалтернов, что нашло свое выражение в фотодокументах, репрезентирующих калмыков как подчиненных. Напротив, короткая история взаимоотношений тувинцев с имперской властью еще не привела к их подчинению и интеграции в колониальную иерархию. В фотографиях, изображающих Кемчикского князя с русскими, осуществляется репрезентация тувинского аристократа как относительно самостоятельного актора, еще не познавшего в полной мере подчинения империи.

Таким образом, фотография в имперский период становится не только способом документирования (визуальной инвентаризации) и репрезентации разных этнических групп и их быта, но и самостоятельным инструментом проведения колониальной политики.

Благодарности

Благодарим за предоставленные фотоматериалы директора Национального архива Республики Тыва Б. В. Мунге, директора Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (АГОИАМЗ) А. А. Булычева, заместителя директора АГОИАМЗ А. А. Курапова; коллекционера С. Ю. Степанова (г. Астрахань, Россия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакаева, Э. П. (2021) Предания о калмыцком хане Дондуке-Омбо: исторические факты в фольклоре // Новый филологический вестник. № 2 (57). С. 404–421. DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00060>
- Бакунин, В. М. (1995) Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста : Калм. кн. изд-во. 153, [5] с.
- Барт, Р. (1989) Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс. 616 с.
- Волынский, А. П. (1865) Шесть писем А. П. Волынского к цесаревне Елизавете Петровне. 1724–1725 // Русский архив. Вып. 1–6. М. : В тип. В. Грачева и Комп. 416 с. Стб. 323–330.
- Вортман, Р. (1999) «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века : сборник / сост. Н. Н. Мазур. М. : О.Г.И. 280 с. С. 233–244.
- Гакман, И. Ф. (1787) Пространное землеописание Российскаго государства, изданное в пользу учащихся по Высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Вторыя. СПб. : Тип. Брейткопфа. [8], 420 с.
- Горшенина, С. М. (2021) Фотография и царская колониальная администрация Туркестана: конструируя историю и место между прошлым и будущим // Вестник МИЦАИ. Вып. 31. С. 45–87. DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2021.45-87>
- Зорин, А. (1997) Идеология «православия — самодержавия — народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. № 26. С. 71–104.
- История Тувы (2001) : в 2 т. / под общей ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука. Т. I. 367 с.
- Манштейн, К. Г. фон (1875) Записки Манштейна о России: 1727–1744 / перевод [В. В. Тимошук] с французской подлинной рукописи автора ; [предисл. М. Семевского]. СПб. : Тип. В. С. Балашева. 397 с.
- Минцлов, С. Р. (2014) Секретное поручение: путешествие в Урянхай: Фотоальбом: Дневник поездки в Туву в 1914 году. Кызыл. 256 с.
- Митиров, А. Г. (1998) Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста : Калм. кн. изд-во. 384 с.
- Нагайкина, С. И. (2011) Фотография в Астрахани. 1861–1920. Очерки по истории губернской фотографии. Астрахань : АГОИАМЗ. 280 с.
- Нефедьев, Н. А. (1834) Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб. : Тип. К. Крайя. VIII, 290, 4 с.
- Ням Тхи Ван Ань. (2018) Культурные коннотации зоонима *свинья* во фразеологических единицах русского и вьетнамского языков // Вестник Череповецкого государственного университета. № 6 (87). С. 114–123. DOI: <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-6-87-12>

Погосян, Е. (2001) «И невозможное возможно»: свадьба шутов в ледяном доме как факт официальной культуры // Труды русской и славянской филологии. Литературоведение. Вып. IV (Новая серия). Тарту. С. 80–108.

Русанова, С. В. (2016) Термины *челобитная* и *прошение* в законодательных актах XVIII века // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 12, № 3. С. 705–716.

Савицкий, Е. (2020) Колониальная фотография и воспитание (не)граждан (обзор) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. № 6 (166). С. 594–605. URL: https://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22971/ (дата обращения: 12.03.2023).

Сергеева, Н. М., Четырова, Л. Б. (2022) Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Серто, М. де (2013) Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 330 с.

Соловьева, К. Ю. (2022) Образы Империи: фотография на Всероссийской этнографической выставке 1867 года : альбом / авт.-сост. К. Ю. Соловьева. СПб. : А-Я. 287 с.

Тепкеев, В. Т. (2019) «Всемиловейше жалую тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство в 1737 г. // Oriental Studies. Т. 12, № 4 (44). С. 627–633. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-627-633>

Толмачева, Е. Б. (2007) Коммерческая фотография как этнографический источник // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов, Е. А. Михайлова. СПб. : МАЭ РАН. 300 с. С. 85–87.

Цюрюмов, А. В. (2007) Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста : ЗАОр «НПП “Джангар”. 464 с.

Четырова, Л. Б. (2016) Российские калмыки: очерки по истории, культуре, буддизму и языку. Самара : Изд-во «Самарский университет». 188 с.

Четырова, Л. Б., Сергеева, Н. М. (2022) Советская модерность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 239–262. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Четырова, Л. Б., Четыров, У. Б. (2023) Имперский миф народности и его пропаганда с помощью почтовых открыток // Вестник Калмыцкого университета. № 1 (57). С. 125–132. DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2023-57-1-125-132>

Шараева, Т. И., Айыжы, Е. В. (2019) Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Шубинский, С. Н. (1908) Исторические очерки и рассказы С. Н. Шубинского. 5-е изд., доп. и испр. СПб. : Тип. А. С. Суворина. VIII, 712 с.

Элерт, А. Х. (2007) По следам академического отряда Великой Северной экспедиции // Наука из первых рук. № 6 (18). С. 6–11.

Этнографическая выставка 1867 года Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете (1878) : Исторический очерк устройства выставки, описание и перечень предметов, бывших на выставке и протоколы заседаний Комитета по устройству выставки. М. : Тип. М. Н. Лаврова и К°. [4], II, 93 с. (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. XXIX).

Khodarkovsky, M. (1992) Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads, 1600–1771. Ithaca ; London : Cornell University Press. xiv, 278 p.

Mignolo, W., Walsh, C. (2018) On decoloniality: concepts, analytics, praxis. Durham : Duke University Press. xii, 291 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and modernity/rationality // Cultural Studies. Vol. 21, issue 2–3. P. 168–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502380601164353>

Tlostanova, M., Mignolo, W. D. (2012) Learning to unlearn: Decolonial reflections from Eurasia and the Americas. Columbus, OH : Ohio State University Press. vii, 281 p.

Дата поступления: 13.03.2023 г.

Дата принятия: 16.06.2023 г.

REFERENCES

Bakaeva, E. P. (2021) Predaniia o kalmytskom khane Donduke-Ombo: istoricheskie fakty v fol'klore [The legends about the Kalmyk Khan Donduk-Ombo: Historical facts in folklore]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (57), pp. 404–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00060>

Bakunin, V. M. (1995) *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of the Torgout people, and the deeds of their khans and governors. Work of 1761]*. Elista, Kalmyk Publishing House. 153, [5] p. (In Russ.).

Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]* / transl. from French / comp., ed. and opening chapter by G. K. Kosikov. Moscow, Progress. 616 p. (In Russ.).

Volynskiy, A. P. (1865) *Shest' pisem A. P. Volynskogo k tsesarevne Elizavete Petrovne. 1724–1725 [Six letters of A. P. Volynskiy to Tsar's daughter Elizaveta Petrovna. 1724–1725]*. In: *Russkii arkhiv*, issue 1–6. Moscow, At V. Grachev & Co. 416 p. Clmns. 323–330. (In Russ.).

Wortman, R. (1999) «Ofitsial'naia narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [“Official national ethos” and the national myth of the Russian monarchy of the 19th century]. In: *ROSSIIa / RUSSIA*. Issue 3 (11): Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive: Rossiia, XVIII — nachalo XX veka [Cultural practices in an ideological perspective: Russia, 18th — early 20th century] : A collection / comp. by N. N. Mazur. Moscow, O.G.I. 280 p. Pp. 233–244. (In Russ.).

Hackmann, J. F. (1787) *Prostrannoe zemleopisanie Rossiiskago gosudarstva, izdannoe v pol'zu uchashchikhsia po Vysochaishemu poveleniiu tsarstvuiushchiia imperatritsy Ekateriny Vtoryia [A detailed geography of the Russian state, published in favor of learners by the highest command of the Reigning Empress Catherine the Second]*. St. Petersburg, Breitkopf's Printing House. [8], 420 p. (In Russ.).

Gorshenina, S. M. (2021) *Fotografiia i tsarskaia kolonial'naia administratsiia Turkestana: konstruirua istoriiu i mesto mezhdz proshlym i budushchim [Photography and the tsarist colonial administration of Turkestan: Constructing history and a place between the past and the future]*. *Bulletin of IICAS*, issue 31, pp. 45–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2021.45-87>

Zorin, A. (1997) *Ideologiya «pravoslaviia — samoderzhaviia — narodnosti»: opyt rekonstruktsii [The ideology of “Orthodoxy — autocracy — nationality”: An experience of reconstruction]*. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 26, pp. 71–104. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2001) : in 2 vols. / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. 2nd ed., revised and enlarged. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Manstein, Ch. H. von (1875) *Zapiski Manshteina o Rossii: 1727–1744 [Manstein's notes on Russia: 1727–1744]* / transl. by V. V. Timoshchuk from the French original manuscript of the author / foreword by M. Semevskii. St. Petersburg, V. S. Balashev's Printing House. 397 p. (In Russ.).

Mintslov, S. R. (2014) *Sekretnoe poruchenie: puteshestvie v Uriankhai: Fotoal'bom: Dnevnik poezdki v Tuvu v 1914 godu [A secret assignment. Travel to Uriankhai: Photo album. Diary of a trip to Tuva in 1914]*. Kyzyl. 256 p. (In Russ.).

Mitirov, A. G. (1998) *Oiraty-kalmyki: veka i pokoleniia [Oirats-Kalmyks: Centuries and generations]*. Elista, Kalmyk Publishing House. 384 p. (In Russ.).

Nagaikina, S. I. (2011) *Fotografiia v Astrakhani. 1861–1920. Ocherki po istorii gubernskoi fotografii [Photography in Astrakhan. 1861–1920. Essays on the history of provincial photography]*. Astrakhan, Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve. 280 p. (In Russ.).

Nefediev, N. A. (1834) *Podrobnye svedeniia o volzhskikh kalmykakh, sobrannye na meste N. Nefed'evym [Detailed data about the Volga Kalmyks collected onsite by N. Nefediev]*. St. Petersburg, K. Kray's Printing House. viii, 290, 4 p. (In Russ.).

Nham Thi Van Anh. (2018) *Kul'turnye konnotatsii zoonima svin'ia vo frazeologicheskikh edinitsakh russkogo i v'etnamskogo iazykov [Cultural connotations of component-zoonym pig in phraseological units of Russian and Vietnamese languages]*. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (87), pp. 114–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-6-87-12>

Pogosian, E. (2001) «I nevozmozhnoe vozmozhno»: svad'ba shutov v ledianom dome kak fakt ofitsial'noi kul'tury [“And the impossible is possible”: The wedding of jesters in the Ice House as a fact of official culture]. In: *Trudy russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie*, issue IV (New series). Tartu. Pp. 80–108. (In Russ.).

Rusanova, S. V. (2016) *Terminy chelobitnaia i proshenie v zakono-datel'nykh aktakh XVIII veka [The terms chelobitnaia and proshenie in the legislative acts of the 18th century]*. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniia*, vol. 12, no. 3, pp. 705–716. (In Russ.).

Savitskii, E. (2020) *Kolonial'naia fotografiia i vospitanie (ne)grazhdan (obzor) [Colonial photography and personal development of (non)citizens (A survey)]*. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6 (166), pp. 594–605. [online] Available at: https://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22971/ (accessed 12.03.2023). (In Russ.).

Sergeeva, N. M. and Chetyrova, L. B. (2022) Vizual'naia reprezentatsiia oirat-kalmykov i tuvintsev v kontekste byta v nachale XX veka [Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of day-to-day life at the beginning of the 20th century]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 257–275. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Certeau, M. de (2013) *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat' [L'invention du quotidien. I. Arts de faire]* / transl. from French by D. Kalugin and N. Movnina. St. Petersburg, European University at Saint Petersburg Publ. 330 p. (In Russ.).

Solovieva, K. Yu. (2022) *Obrazy Imperii: fotografiia na Vserossiiskoi etnograficheskoi vystavke 1867 goda [Images of the Empire: Photography at the All-Russian Ethnographic Exhibition of 1867]* : An album / authored and compiled by K. Yu. Solovieva. St. Petersburg, A–Ia. 287 p. (In Russ.).

Tepkeev, V. T. (2019) «Vsemilostiveishe zhaluem tebia, poddannogo Nashego, i uchrezhdaem Khanom Kalmytskim». Tseremoniia ob"iavlennii Don-duk-Ombo v khanskoe dostoinstvo v 1737 g. [‘This is to grant you, our subject, a merciful favor of ours and inaugurate as Khan of the Kalmyks’. The 1737 ceremony of proclaiming Donduk Ombo Khan]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 4 (44), pp. 627–633. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-627-633>

Tolmacheva, E. B. (2007) Kommercheskaia fotografiia kak etnograficheskii istochnik [Commercial photography as an ethnographic source]. In: *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2006 g. [Radlov collection: Scientific research and museum projects of the Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS in 2006]* / ed. by Yu. K. Chistov and E. A. Mikhailova. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS. 300 p. Pp. 85–87. (In Russ.).

Tsiuriumov, A. V. (2007) *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate as part of Russia: Problems of political relations]*. Elista, Dzhangar. 464 p. (In Russ.).

Chetyrova, L. B. (2016) *Rossiiskie kalmyki: ocherki po istorii, kul'ture, buddizmu i iazyku [Russian Kalmyks: Essays on history, culture, Buddhism and language]*. Samara, Samara University Publ. 188 p. (In Russ.).

Chetyrova, L. B. and Sergeeva, N. M. (2022) Sovetskaia modernost' v vizual'noi perspektive (na primere oirat-kalmykov i tuvintsev) [Soviet modernity in visual perspective (The cases of Kalmyks and Tuvans)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 239–262. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Chetyrova, L. B. and Chetyrov, U. B. (2023) Imperskii mif narodnosti i ego propaganda s pomoshch'iu pochtovykh otkrytok [The imperial myth of nationality and its propaganda by post cards]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1 (57), pp. 125–132. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2023-57-1-125-132>

Sharaeva, T. I. and Aiyzhy, E. V. (2019) Chai v traditsionnoi kul'ture kalmykov i tuvintsev [Tea in the traditional culture of the Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 140–153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Shubinsky, S. N. (1908) *Istoricheskie ocherki i rasskazy S. N. Shubinskogo [Historical essays and stories by S. N. Shubinsky]*. 5th ed., enlarged and revised. St. Petersburg, A. S. Suvorin's Printing House. viii, 712 p. (In Russ.).

Elert, A. Kh. (2007) Po sledam akademicheskogo otriada Velikoi Severnoi ekspeditsii [In the footsteps of the academic detachment of the Great Northern expedition]. *Nauka iz pervykh ruk*, no. 6 (18), pp. 6–11. (In Russ.).

Etnograficheskaiia vystavka 1867 goda Imperatorskogo obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii, sostoiashchego pri Imperatorskom Moskovskom universitete [The 1867 Ethnographic exhibition of the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography, which is affiliated with the Imperial Moscow University (1878)] : A historical sketch of the exhibition structure, description and a list of items that were at the exhibition and minutes of meetings of the Committee on the Arrangement of the exhibition. Moscow, M. N. Lavrov & Co.'s Printing House [4], ii, 93 p. (Izvestiia Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete / Proceedings of the Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University, vol. XXIX). (In Russ.).

Khodarkovsky, M. (1992) *Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads, 1600–1771*. Ithaca ; London, Cornell University Press. xiv, 278 p.

Mignolo, W. and Walsh, C. (2018) *On decoloniality: concepts, analytics, praxis*. Durham : Duke University Press. xii, 291 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and modernity/rationality. *Cultural Studies*, vol. 21, issue 2–3, pp. 168–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502380601164353>

Tlostanova, M. and Mignolo, W. D. (2012) *Learning to unlearn: Decolonial reflections from Eurasia and the Americas*. Columbus, OH, Ohio State University Press. vii, 281 p.

Submission date: 13.03.2023.

Acceptance date: 16.06.2023.